

В январе украинскому социологу, доктору социологических наук **Виктору Фокичу Бурлачуку** исполнилось 60. Мы, его коллеги и товарищи, от всего сердца поздравляем его со славным юбилеем и желаем всего, что только можно пожелать юбиляру — не только талантливому ученому, но еще и невероятно скромному и на удивление творческому человеку, способному из повседневной жизненной прозы сотворить поэзию или философию, человеку, чуждому карьерного роста и должностных амбиций, но открытого к чувствам, сердцу и уму другого.

Именно для такого человека наилучшим пожеланием и самым дорогим подарком может быть и есть не традиционный перечень этапов его жизненного пути и связанных с этим научных достижений, как это принято делать на страницах нашего журнала в рубрике юбилейных поздравлений, а возможность поделиться с другим тем, что не всегда может быть опубликовано на страницах научного издания и что может казаться как будто второстепенным и чужим с точки зрения научной карьеры, но что является жизненно важным в работе ученого, которая на протяжении всей его жизни была направлена на понимание другого — Человека, Текста, События, Явления.

С юбилеем Вас, Виктор Фокич, счастья, долголетия и незатухающего творческого вдохновения!

* * *

Постоянным объектом понимания и влечения на протяжении многих лет творческой работы Виктора Фокича была и остается поэзия Р.-М. Рильке, одного из влиятельных поэтов-модернистов XX века. Вниманию читателей нашего журнала предлагается опыт интерпретации ученым одного из стихотворений поэта, чтобы тем самым продемонстрировать, что Наука и Поэзия — неотъемлемые элементы его творчества — всегда шагают рядом друг с другом.

ХIII сонет из “Сонетов к Орфею” Рильке

Voller Apfel, Birne und Banane,
 Stachelbeere ... Alles dieses spricht
 Tod und Leben in den Mund ... Ich ahne ...
 Lest es einem Kind vom Angesicht,
 wenn es sie erschmeckt. Dies kommt von weit.
 Wird euch langsam namenlos im Munde?
 Wo sonst Worte waren, fließen Funde,
 aus dem Fruchtfleisch überrascht befreit.
 Wagt zu sagen, was ihr Apfel nennt.
 Diese Süße, die sich erst verdichtet,
 um, im Schmecken leise aufgerichtet,
 klar zu werden, wach und transparent,
 doppeldeutig, sonnig, erdig, hiesig —:
 O Erfahrung, Fühlung, Freude —, riesig!

ХIII

Яблоки, и груши, и бананы,
 и крыжовник... Им дано во рту
 смерть и жизнь смешать благоуханно.
 Видишь, как ребенок на лету

их вкушает? Сброшен их покров,
 их имен исчезли и намеки;
 где слова звучали, брызжут соки,
 вольные, из мякоти плодов.

То, что звалось яблоком, ушло.
 Только эта сладость вкусовая
 радуется, из гущи восставая
 ясно, и прозрачно, и светло,
 солнечно и земно, двуедино —
 о познание, счастья сердцевина!

Перевод с немецкого А.Биска

ВИКТОР БУРЛАЧУК

“Мы — только рот”: вглубь стихотворения

Это удивительное и необычное по своей тематике стихотворение о радости вкушения пищи, насыщенное гастрономическими переживаниями, занимает важное место в цикле стихотворений об Орфее. Поэтически описанный телесный опыт поедания, в котором неразрывно слиты жизнь и смерть, является своеобразным комментарием немецкого поэта на античный миф. В трагической судьбе Орфея поэт пытается распознать особый характер человеческого слова, порожденного говорящим и поедающим существом, где один и тот же орган служит и для речи и для еды.

“Мы — только рот” (Wir sind nur Mund) — начало другого стихотворения Рильке, определяющее место человека во вселенной особым чувственным контактом с миром, где главным источником опыта оказываются не столько тактильные ощущения, сколько само действие разгрызания и поглощения мира. И хотя в стихотворении дважды повторяется фраза “мы — только рот”, оно не о еде, а о способности человека воспринимать масштабы вселенской радости и скорби лишь в очень ограниченных масштабах. Радость и боль человек может принимать лишь небольшими дозами, частями, чтобы выдержало его сердце, так же как добычу, чтобы проглотить, он должен сначала разорвать своими зубами на куски.

Хайдеггер считает, что интерпретация должна строиться на основе опорных слов стихотворений. Наряду с такими любимыми лексемами Рильке, как “сущность”, “молчание”, “преодоление”, “метаморфоза”, “рот” является также семантической константой его лирики. Когда переводят “рот” как “голос” или “губы”, то существенным образом искажают не только смысл стихотворения, но и поэтику Рильке. “Der Tod ist groß Wir sind die Seinen, Lachenden Munds” — в этих программных строках поэта человек — смеющийся рот смерти.

Вкусовые рецепторы, в отличие от зрительных, дают иной опыт взаимодействия с миром. Они делят его на горький и сладкий, кислый и соленый. Утрата одного из этих вкусовых свойств переживается в Евангелии как вселенская катастрофа. “Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?” (Мф. 5:13–16).

Тело мира во рту не только оценивается при помощи вкусовых рецепторов, в нем оно подвергается радикальной трансформации. Оно захватывается центробежными и центростремительными силами, которые то отбрасывают его на периферию, к внутренним сторонам щек, то заставляют концентрироваться в центре, постепенно формируя пищевой комок, пригодный для глотания. Здесь исчезает плоть, и здесь нет места слову.

Во рту происходит освобождение мира от плоти и от слова. Занятый пережевыванием, рот молчит. В тишине происходит становление мира мной и меня миром. Тело природы умирает, чтобы стать моим телом, моей жизнью.

Поедание — это и метафора познания. Только “съеденное”, усвоенное слово открывает возможности для пророчества. “*И я пошел к Ангелу и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела и съел её; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел её, то горько стало во чреве моем. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать в народах и племенах и языках и царях многих*” (Отк. 10:9–11).

Рот — место жизни и смерти. Оттуда начинается движение Орфея в царство мертвых, которое одновременно ведет и к истокам жизни. В царстве мертвых Орфей непрерывно поёт, губы, рот постоянно двигаются, имитируя процесс жевания.

Умерший — это пережеванный и проглоченный. Путешествие Орфея — это путешествие в царство теней, где отсутствует человеческая телесность и, поэтому, не может быть произнесено слово. Мир мертвых — это мир молчания. Мир, в котором вещи освобождены как от телесной, так и от смысловой оболочки. Мир без имен, мир смерти.

Безымянность во рту равна смерти. Эта безымянность появляется, когда рот наполнен соками и ароматами мира. Но если пережевывание и глота-

ние пищи связано с умиранием, тогда откуда в заключительных строках стихотворения этот гастрономический восторг, этот гимн вкусовым ощущениям, солнечным, земным, перед которыми меркнет привлекательность любого логоса, — откуда эта неприкрытая радость, чувственный восторг?

Поедание открывает мир, лишенный слов, мир, в котором господствует истинная природа земли и солнца. Поедание — это движение в сторону оргазма, к тайным древним культам и мистериям. Съеденное превращается в плоть и кровь. Умерев, оно начинает жить новой жизнью, питая собой тело.

Язык всем своим грамматическим строем сопротивляется тому, чтобы признать наличие какой-то истины в этом заурядном физиологическом процессе. Он не знает и не хочет знать никакого опыта вкушения или опыта еды. Есть опыт научный, физический, химический, жизненный, удачный, положительный, отрицательный, магический опыт и др. Но нет опыта поглощения пищи. Здесь отсутствует возможность наблюдать объект, следить за его движением и превращением. Исчезает важная для опыта дистанция между субъектом и объектом, благодаря которой опыт описывает себя как объективный, здесь объект становится частью субъекта, растворяется в нём. Здесь нарушена постоянная структура объекта, искажена его привычная геометрия, ставится под сомнение само бытие, ведь бытие — то, что постоянно, независимо, то, что может противостоять в своей твердости и недоступности поеданию и поглощению индивидом. Мир во рту — это мир подвижный, текучий, мир превращения. Исчезнувший объект ставит под сомнение твердую самоуверенность опыта. Какой же это опыт, если объект перестает существовать и как можно передавать опыт, если то, что нуждается в передаче, уже исчезло, пережевано и проглочено?

Во рту совсем другая логика, это не логика предметного мира. Не каждому дано заглянуть в рот, в художественной литературе — это удалось только Франсуа Рабле. Он один побывал у Пантагрюэля во рту и увидел, что там смещены все горизонты и утрачен облик мира.

Пение Орфея — всего лишь задержка, попытка избежать смерти, перерыв между пережеванной и проглоченной пищей и пищей, еще не поступившей в рот. Человек может говорить только тогда, когда его рот свободен от пережеванной и проглоченной пищи. Говорить — это воскрешать субстанцию слов, претворяться, что ничего не изменилось. Путешествие Орфея — это попытка вернуть съеденное, вытащить его из небытия при помощи слова, воскресить переваренное тело Эвридики. Оно переварено самой смертью, оно стало вином, землей, водою.

И хотя слово все время стремится стать частью человеческого тела, слово и поедание — антагонисты. Слово пытается зафиксировать исчезающую предметность, опыт вкушения мира, где царит подлинная диалектика. Орфей растерзан менадами и, вероятно, сожран. Это наказание за его попытку противостоять текучей радости превращения. Радость поедания мира. Трапеза, в которой еда чередуется со словом, — это всего лишь попытка заговорить смерть.

Мир, освобожденный от слов, становится текучим, ясным, прозрачным. Разорванный менадами Орфей претерпевает судьбу съеденного плода. Яблоко в руках младенца Иисуса на картине Карло Кривелли несёт в себе память растерзанного менадами Орфея и предвосхищает мученическую судьбу Спасителя...